

Александр Дмитриевич Васильев

rlc_siberia@kspu.ru

Элементы вербальной магии в российском официозном дискурсе

ABSTRACT. Vasilev Dmitrijevič Aleksandr, *Elementy verbalnoj magii v rossijskom oficioznom diskurse* (The Elements of Verbal Magic in Russian Semi-Official Discourse). „Poznańskie Studia Slawistyczne” 4. Poznań 2013. Adam Mickiewicz University Press, pp. 177–190. ISBN 978-83-232-2525-6. ISSN 2084-3011.

The article is dedicated to phenomena of verbal magic, which exploit in modern Russian semi-official discourse for the purpose of social consciousness' manipulation.

Keywords: verbal magic, Russian semi-official discourse, political language, police terror, indoctrination

*Язык, слово – это почти всё
в человеческой жизни...
Возможности и перспективы,
заложённые в слове, ... в сущности,
бесконечны.*

М.М. Бахтин

Проблемы, связанные с воздействием на индивидуальное и общественное сознание, могут изучаться на материале мифов и легенд, табу и эвфемизмов, колдовских заклинаний и религиозных проповедей, коммерческой рекламы и политической пропаганды и т.д., выступающих в качестве разнообразных воплощений издревле известной вербальной магии. Непреходящая актуальность их исследования определяется местом и ролью Слова в истории человека и человечества (ср. речения: „В начале было Слово”, „Слово горами движет” и мн. др.).

Несомненна глубинная, психически опосредованная связь между словом и действительностью. Неслучайной считается этимология славянского **věky* (русское и церковнославянское *вещь*), возводимая

к индоевропейскому **uektos/*uktos* ‘сказанное, изреченное’: таким образом, *вещь* – это ‘то, что можно назвать’¹. Следовательно, то, что способно получить именование, вполне естественно и логично становится (казалось бы) очевидной сущностью, реальность которой не может быть оспорена.

Однако хорошо известно, что с древнейших времён и по сию пору включительно номинативная функция слова успешно применяется для наклеивания вербальных ярлыков на заведомую пустоту либо для подмены понятий. Иначе говоря, наличие лексической единицы далеко не обязательно сигнализирует о наличии обозначаемого ею референта, причём такое парадоксальное несоответствие далеко не всегда подвергается носителями языка сколько-нибудь критичному осмыслению. Гёте говорил: „Людам нечего делать с мыслями и воззрениями. Они довольствуются тем, что есть слова. Это знал ещё мой Мефистофель”. И приводил слова Мефистофеля: „Коль скоро надобность в понятиях случится, / Их можно словом заменить...”².

На такой игре в слова, эффект которой во многом усиливается слепой верой массовой аудитории, поощряемой социальной верхушкой, и основывается вербальная магия в самых разных её модификациях.

Собственно, в предельно упрощённом виде вербальную магию можно представить как манипуляцию словами, фактически приравняемыми к объектам реальной действительности, направленную на изменение сознания адресата, а следовательно – к управлению его поведением так, как это желательно адресанту-манипулятору. Наиболее обобщённо к набору главных, родовых признаков манипуляции относят такие: 1) это вид духовного, психологического **воздействия**, мишенью которого являются психические структуры личности; 2) это **скрытое** воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции; 3) это воздействие требует от манипулятора значительного **мастерства и знаний**; 4) это **отношение к людям**, созна-

¹ О.Н. Трубочёв, *Этимология и славянская пракультура*, всесоюзная конференция *Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры*, тезисы докладов, Ленинград 1988, с. 9.

² Цит. по: И.А. Бунин, *Освобождение Толстого*, в: *idem, Собрание сочинений в 6-ти томах*, т. 6, Москва 1988, с. 79.

нием которых манипулируют, не как к личностям, а как к объектам, особого рода **вещам**³.

Сегодня всё более популярным среди исследователей становится весьма широкое понимание манипулятивной функции языка и, соответственно, его поистине безграничных потенций в этом отношении. „Язык как система понятий, слов (имён), в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное **средство подчинения** (...). **Первоначальной функцией** слова на заре человечества было его **суггесторное воздействие**“⁴. Подобные суждения находим в трудах лингвистов, в ряде случаев подчёркивающих невозможность чёткого и безусловного разграничения манипулятивных и „неманипулятивных“ речевых актов, например, „из-за крайней сложности квалификации и проведения черты между просто речевым воздействием, без которого нет и не может быть естественного общения людей (**любой речевой акт суггестивен**), и манипуляцией“⁵. Ср.: „**Любой акт речевого общения не происходит ради самого общения**: коммуниканты всегда преследуют определённые речевые цели, которые в итоге влияют на деятельность собеседника“⁶ – и: „**Любой акт коммуникации**, вербальной или невербальной, **призван воздействовать на её участника**. Даже фатическое общение имеет целью как минимум возбудить внимание к тому, кто такое общение инициирует. Даже нейтрально-информативный монолог типа научного сообщения имеет целью как минимум побудить слушателей вникнуть в его содержание“⁷. Несомненно, что и „текст закона в каком-то отношении является узаконенным манипулятивным текстом“⁸.

³ С.Г. Кара-Мурза, *Манипуляция сознанием*, Москва 2002, с. 16–17.

⁴ Ibidem, с. 84.

⁵ Н.Д. Голев, *Самоопределение юридической лингвистики в России*, в: idem, *Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право*, Кемерово–Барнаул 2007, с. 11.

⁶ Е.В. Секретарёва, *Речевое внушение и речевая манипуляция: к постановке проблемы*, в: Н.Д. Голев, *Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка*, Барнаул 2005, с. 266.

⁷ Б.И. Осипов, *Речевая манипуляция и речевое мошенничество: сходство и различие*, в: Н.Д. Голев, *Юрислингвистика-8...*, с. 217.

⁸ К.И. Бринёв, *Манипулятивное функционирование языка в юрислингвистическом и собственно лингвистическом аспектах*, в: Н.Д. Голев, *Юрислингвистика-6...*, с. 158.

Манипуляции – неизбежный, имманентный модус поведения и необходимый атрибут и инструмент любой власти так же, как и средства массовой информации, без которых осуществление манипулятивных операций заведомо невозможно (в лучшем случае малоэффективно).

Не углубляясь (хотя бы ввиду ограниченного объёма данной статьи) в многовековую историю вербально-магических манипуляций, остановимся лишь на некоторых её чертах, характерных для внутрироссийской ситуации примерно двух последних десятилетий.

Попутно скажем, что до сих пор ещё довольно заметны (правда, не настолько, как в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века) усилия отдельных отечественных лингвистов по разоблачению и искоренению тех лексико-фразеологических особенностей официального употребления русского языка, которые в совокупности были удостоены полукалькированного терминоида „советский новояз”. Он в перестроечно-реформаторский период был обозначен как самая доступная мишень, попытки хоть как-нибудь поразить которую не только свидетельствовали о новейшей благонадёжности авторов, но и предлагали некое научно-лингвистическое оправдание и обоснование развёрнутых экспериментов над населением и трансформации ментальности этносоциума. Как будто внезапно произошло слаженное прозрение пандемического характера („послушать иных многих, так просто жалко делается людей: чуть ли не все изнывали под игом тоталитаризма, диктата, цензуры”⁹). По-видимому, именно колоссальные затраты энергии на производство безопасного пафоса так и не дали многим специалистам заметить сегодняшние эволюции общественно-политического дискурса, что не только антиисторично, но и противоречит ряду известных собственно лингвистических положений.

Ведь „во всей истории литературных (или стандартных) языков мы видим примеры того, как класс, переживающий эпоху своего господства, уступая свою позицию новому, идущему ему на смену классу, передаёт последнему (...) и языковую традицию. Стандартный язык, таким образом, как эстафета, переходит из рук в руки, – от од-

⁹ О.Н. Трубачёв, *Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового единства Славян*, Москва 2004, с. 141–142.

ной господствующей группы к другой, наследуя от каждой из них ряд специфических черт”¹⁰.

Надо добавить также, что образ советского ратора характеризовался категорией коммунистической партийности, адекватно доминировавшим тогда ценностям воплощавшейся в вербальной магии того времени: „Знак воспринимается как мотивированная модель вещи, поэтому в речевой практике они отождествляются (...). Правила обращения со знаками и вещами тоже отождествляются. Знак становится более суггестивным, чем информативным”¹¹.

Собственно, это универсальный и традиционный феномен: „Слово есть самая вещь, и это доказывается не столько филологической связью слов, обозначающих **слово** и **вещь**, сколько распространённым на все слова верованием, что они обозначают сущность явлений. Слово, как сущность вещи, в молитве и занятии получает власть над природою”¹².

Поэтому нельзя оставлять без внимания ни несомненную преемственность этих тенденций речевой коммуникации в пределах одного языка, ни – в то же время – почти повсеместную их распространённость в типологически разных языках и в условиях различных социально-политических систем. Достаточно вспомнить хотя бы о несомненных успехах нацистской пропаганды, или об особенностях „литературного английского” – „занудного диалекта, языка газетных передовиц, Белых книг, политических речей и выпусков новостей Би-би-си”, для которого „характерна опора на штампы”¹³; или о *political correctness* – „политической корректности” (переводят также как „культурная корректность”, „коммуникативная корректность”), сконструированной и культивируемой в США и в полном соответствии с практикой глобализации экспортируемой по всему миру.

¹⁰ Е.Д. Поливанов, *Задачи социальной диалектологии русского языка*, в: Е.Д. Поливанов и его идеи в современном освещении, ред. И.А. Королёва, Н.А. Максимчук, Н.В. Кузьмина, Смоленск 2001, с. 331.

¹¹ А.П. Романенко, *Образ ратора в советской словесной культуре*, Москва 2003, с. 222.

¹² А.А. Потебня, *Мысль и язык*, в: idem, *Эстетика и поэтика*, Москва 1976, с. 173.

¹³ Дж. Оруэлл, *Англичане*, в: idem, *1984 и эссе разных лет*, сост. В.С. Муравьев, Москва 1989, с. 332.

Однако вернёмся к сегодняшней российской официозной речекommunikативной ситуации, формируемой трудами политтехнологов, породивших множество слов и устойчивых словосочетаний, предназначенных для проведения вербально-магических операций. Их манипулятивные функции обеспечиваются либо за счёт семантической пустоты используемых лексико-фразеологических единиц, либо за счёт подмены обозначаемых понятий. Разумеется, степень успешности этих операций почти всецело определяется усилиями так называемых средств массовой информации (в действительности, конечно – массовой дезинформации и управления сознанием социума), в первую очередь – телевидения.

Приведём здесь лишь несколько примеров политико-лингвистического творчества („креатива”, как принято выражаться в современной России) перестроечно-реформаторского периода (впрочем, некоторые из них калькированы с иностранных языков): *стратегия ускорения* (не успевшая стать даже тактикой); *новое мышление* (результаты его то ли неосмысленного, то ли слишком по-новому обдуманного кем-то применения очень хорошо известны); *равноправное партнёрство* (изначально неосуществимое); *мировое сообщество* (обычно имеются в виду одно-два государства, иногда – чуть больше); *оптимизация бюджета* (постоянное снижение финансирования, а фактически – уничтожение образования, здравоохранения и других жизненно важных сфер); *социальная норма* (непонятно как установленный минимум расходов электроэнергии); *монетизация льгот* (резкое ухудшение материального положения и без того небогатых граждан); *модернизация* (обычно добавляется несогласованное определение: скажем, *модернизация производства* – однако хорошо известно, что в сегодняшней РФ какое-либо реальное производство почти совершенно отсутствует, как и возможности для его развития); *стабилизация* (в основном относится к незыблемости персонифицированной власти); *жилищно-коммунальная реформа* (перманентно увеличиваемый и ничем рационально не оправдываемый рост платы за коммунальные услуги без малейшего улучшения их качества); *правовое государство* (сколько-нибудь удовлетворительная дефиниция этого словосочетания вряд ли возможна).

Иногда вербально-магические операции производятся за счёт замещения одного слова другим, причём суть обозначаемых ими явлений совершенно не меняется (своеобразное воплощение установок политкорректности). Такой стала, скажем, замена *прописки* на *регистрацию*. *Прописку* объявили злокозненным изобретением советской власти (хотя, по-видимому, прикрепление личности как таковой к определённому месту проживания восходит ещё ко временам патриархально-царской России и крепостного права) и в 1993 г. под знаменем либерализации и демократизации всего и вся превратили в *регистрацию* – якобы для реализации права граждан на свободное передвижение по территории страны и выбор места жительства. Однако, и это очень хорошо известно любому жителю России, в действительности *регистрация* оказалась ничуть не менее жёстким средством бюрократического давления на граждан, столь же успешно, сколь и бывшая *прописка*, ограничивающим конституционную свободу их передвижения. Нельзя считать случайным, что сегодня (причём не только в сугубо бытовом общении) эти слова зачастую путают (вероятно, считая их абсолютными синонимами, или дублетами): судя по беглым наблюдениям, слово *прописка* в речекоммуникативных актах гораздо более частотно, нежели *регистрация*, официально регламентированное как доминирующее.

Весьма симптоматичен и символичен недавний пример очередного вербально-манипулятивного эксперимента над общественным сознанием, как и все подобные, круто замешанный на вере в магическую силу слова – переименование российской милиции в полицию. Это еще одна стадия игры в слова, долженствующая свидетельствовать об окончательном разрыве нынешнего государственного устройства с советским прошлым и абсолютной необратимости перемен во всех сферах жизнедеятельности социума.

По-видимому, здесь, как и во многих подобных случаях, традиционно проявилось волонтаристское начало, столь излюбленное российскими „топ-менеджерами”. Было высочайше объявлено, что милиция – это изобретение Советской власти (кстати, как обычно, обнаружилось малоудовлетворительное знание отечественной истории: милицией царскую полицию заменило весной 1917 г. Временное правительство – „десять министров-капиталистов”; упомянутая власть

лишь, очевидно уловив преобладавшие в обществе настроения, переняла от своей предшественницы это именование сил охраны правопорядка и борьбы с преступностью). Согласно энциклопедическому толкованию, круг обязанностей милиции определялся следующим образом: „*милиция* (...) – в СССР гос. орган, призванный обеспечивать охрану общественного порядка, социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций, учреждений от преступных посягательств и др. антиобщественных действий”¹⁴. Совсем иначе характеризуется тем же словарем *полиция*; в качестве первого (и главного) значения приводится: „в эксплуататорских государствах система особых органов надзора и принуждения, а также карательные войска внутреннего назначения, охраняющие существующий общественный строй путем прямого подавления классовых противников”¹⁵; ср. в толковом словаре: „*полиция* – 1) особый орган, располагающий вооруженными отрядами для охраны безопасности существующего строя и установленных порядков в дореволюционной России и капиталистических странах”. „Во всех буржуазных республиках, даже наиболее демократических, полиция является главным орудием угнетения масс (как и постоянная армия), залогом всегда возможных поворотов назад к монархии Ленин”¹⁶. Радикальные различия в дефинициях – налицо и не нуждаются в подробных комментариях, так же, как и основной аргумент необходимости якобы назревшей замены названия: „**пришла пора** вернуть милиции её прежнее наименование и именовать в дальнейшем наши органы правопорядка полицией”¹⁷.

Высшие представители ведомства проявили завидную дисциплинированность и оперативность: по словам статс-секретаря – заместителя министра внутренних дел, генерал-майора милиции Сергея Булавина, „такое переименование – один из результатов работы над

¹⁴ *Советский энциклопедический словарь*, ред. А.М. Прохоров, Москва 1983, с. 802.

¹⁵ *Ibidem*, с. 1027.

¹⁶ *Словарь русского языка в 4-х т.*, ред. А.П. Евгеньевой, т. 3, Москва 1983, с. 262.

¹⁷ В. Кузьмин, *Дмитрий Медведев: обеспечить правопорядок*, „Российская газета-неделя” № 31, 12.08.2010, с. 2.

проектом. **Пришло понимание**, что социальная модель милиции базируется на выполнении органами правопорядка профессиональных полицейских функций¹⁸. Другой юрист, президент федеральной палаты адвокатов РФ, тоже искренне одобрил нововведение: „Милицеское ведомство на сегодняшний день настолько дискредитировало себя, что **даже простая смена названия содержит в себе позитив**“¹⁹ (хотя по поводу „самодискредитации милиции“ можно было бы заметить, что и ни одно другое ведомство или социальная группа не устояли бы против мощной кампании, развернутой буквально всеми СМИ: ни адвокатура, ни прокуратура, ни чиновничество, ни здравоохранение, ни пенсионная система и т. д. – видимо, их черед еще не пришел...). В хоре единодушного одобрения зазвучали и полуанонимные голоса граждан, вроде: „**По моему мнению**, переименование милиции в полицию – это очень важный и **своевременный** шаг руководства страны“²⁰ и т. п.

Собственно, в подобных реакциях аудитории легко обнаружить признаки того, что сегодня называют „обыденным метаязыковым сознанием“, подразумевая „набор более или менее осознанных представлений рядовых носителей языка о самом языке в его разных проявлениях“²¹ (хотя, наверное, абсолютное и безусловное разграничение на „обыденное“ и „научное“ языковое сознание лингвиста довольно дискусионно: придется предположить нечто вроде раздвоения личности, и хорошо, если только языковой...).

Любопытна, между прочим, точка зрения актёра Олега Анофриева, кажется выдаваемая то ли за авторитетное мнение, то ли за глас народа: „Согласен с переименованием нашей службы правопорядка. Когда нужно **внести изменения в существо дела, надо менять ви-**

¹⁸ М. Фалалеев, *Рождённая без революции*, „Российская газета-неделя“ № 31, 12.08.2010, с. 10.

¹⁹ Е. Семяноко, *Адвокатский запрос в милицию*, „Российская газета-неделя“ № 32, 19.08.2010, с. 5.

²⁰ Ibidem.

²¹ Н.Д. Голев, *Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства*, „Вестник Томского государственного университета. Филология“ № 3 (4), 2008, с. 5.

трину, менять название, а точнее (!) – **понятие**²². Иначе говоря, ставится знак абсолютного равенства между реалией (каким-либо феноменом как элементом действительности), её вербальным знаком-выражением (словом как единицей языка) и понятием об этой же реалии (то есть мыслью как продуктом мышления, психического мира). Это – и глубочайшая, неискоренимая даже собственным житейским опытом индивида вера в магию слова, и наивная атавистическая убежденность в том, что сущность реалии можно мгновенно изменить за счет ее иного названия (то есть радикально преобразить сущность, вплоть до придания ей черт полной ее противоположности, нововведенным словесным обозначением). В общем-то, если учесть специфику трудовой деятельности престарелого актера (который к тому же видит „во всем происходящем [имеются в виду пожары в России и наводнение в Европе] не что иное, как знаки приближения Апокалипсиса” [там же]), здесь нет ничего удивительного: декорации привычно создают необходимый антураж, выстраивая подобию реального мира; грим и сценический костюм сотворяют персонажа спектакля или фильма, имитирующего настоящего человека, и т. п. Однако наиболее примечательным звеном псевдологического построения оказывается, на наш взгляд, отождествление **названия и понятия**. Собственно, это возделенная мечта профессиональных лицедеев совсем иного уровня: властных манипуляторов, ведущих игру в слова – и ведущих в ней; именно к упомянутому отождествлению как доминирующему способу мышления (и, естественно, единомыслия) направлены информационно-психологические операции. Вот что декларирует один из „жрецов власти” в 1984: „Вам следует понять, что власть – это власть над людьми, над телом, но самое главное – над разумом. Власть над материей – над внешней реальностью... не имеет значения... Мы покорили материю, потому что мы покорили сознание. Действительность – внутри черепа”²³.

²² О. Анофриев, *Пять событий недели*, „Российская газета-неделя” № 31, 12.08.2010, с. 2.

²³ Дж. Оруэлл, 1984, в: *Оруэлл Дж. „1984” и эссе разных лет*, ред. А.А. Файнгар, перев. В. Голышева, Москва 1989, с. 179.

Может быть, еще и поэтому – чтобы отвести от себя малейшие подозрения в инакомыслии – вроде бы профессиональный юрист предлагает, по сути дела, не вдаваться в какие-либо дискуссионные аспекты переименования, решительно заявив: „Законодательная **инициатива** президента страны о преобразовании нынешней милиции в полицию **понятна и прозрачна без каких-либо толкований**“²⁴.

Между тем, следовало бы всё-таки с большей осторожностью отнестись к рекомендациям политтехнологов, спичрайтеров и прочих соавторов переименований-инноваций, а именно – учесть некоторые константы упомянутого „обыденного метаязыкового сознания“ на уровне устойчивой сочетаемости некоторых слов, вызываемых ими ассоциаций и т. п. Например, наличие (в том числе и в современном публичном и публицистическом дискурсе) явно негативно оценочных словосочетаний *полицейские меры*, *полицейское государство* (ср.: *полицейский*... „неодобр. опирающийся на полицию (...) и жандармерию, характеризующийся грубым насилием и произволом. *Полицейский террор. Полицейские методы управления*“²⁵), и существительного *полицейщина* – „разг. неодобр. система полицейской регламентации всей общественной жизни; полицейский режим“²⁶ (что, кажется, ничем не отличается от многократно проклятого советского тоталитаризма), и, конечно, еще не стёртого из исторической памяти этносоциума слова-клейма *полицай* – „разг. презр. полицейский, завербованный из числа местного населения (на оккупированных территориях во время Великой Отечественной войны)“²⁷. Ср. по поводу последнего: „Некоторые (немецкие) слова в речи русского человека подвергались смысловому преобразованию, в ходе которого изменяли характер предметной отнесенности. Словом *полицай* (нем. *Polizei* – *полиция*) обозначались военизированные формирования, которые создавались из **отщепенцев** на временно захваченной территории, но это слово в речи русских превратилось в **презрительное** обозначение полицейских – кто пошел на службу в полицию; примечательно, что в фашистском лексиконе функционер полицейских формирований

²⁴ Е. Семеняко, *op. cit.*

²⁵ *Словарь русского языка в 4-х т.*, т. 3, с. 262.

²⁶ *Ibidem.*

²⁷ *Ibidem.*

назывался по-немецки: *полицист* (*Polizist* – *полицейский*). Но в речи местного населения блюстителей „нового порядка” всё же называли словом *полицай* – именем того учреждения, где служили изменники родины. Не прежнее слово *полицейский*, а слово *полицай* становится обозначением и отрицательной оценкой функционеров, творивших злодеяния на оккупированной территории. Закреплению оценочного наименования за *полицистами* – полицейскими, несомненно, способствовало то, что слово осмыслялось как образование с суффиксальным показателем *-ай*, *-яй*; русские образования на *-ай*, *-тяй*, *-дяй* обозначают „презираемого, вызывающего пренебрежение или отвращение человека: *негодяй*, *кисляй*, *разгильдяй*, *лентяй*, *скупердяй*, *слонтяй*”²⁸ (со ссылкой на Виктора Виноградова).

По каким-то, наверное, очень важным причинам потенциальное участие этих факторов психосоциолингвистического характера оставили без внимания (как и возможную реакцию молчаливого отторжения среди немалого числа действующих сотрудников МВД от таких инноваций). Что же касается так называемого общественного мнения, то его явно не успели подготовить к очередной *модернизации*. Видимо, этой незрелостью сознания электората в оценке очередного прогрессивного нововведения объясняются показатели соответствующих социологических обследований. По данным инициативного всероссийского опроса ВЦИОМ, проведенного 14–15 августа 2010 года с привлечением 1600 респондентов, на вопрос: „К каким последствиям, по-вашему, приведет переименование милиции в полицию?” были получены ответы: 63% – „эта мера ничего не изменит, всё останется по-прежнему”; 15% – „эта мера приведет скорее к негативным последствиям”; 11% – „эта мера приведет скорее к положительным последствиям”; 11% – „затрудняюсь ответить”²⁹. Конечно, и к таким результатам надо относиться с определенной осторожностью, но – именно в демократическом правовом государстве (см. действующую конституцию РФ) подобные опросы было бы разумно проводить заблаговременно, до принятия широкомасштабных кардинальных ре-

²⁸ А.Н. Кожин, *Лексико-фразеологические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны*, Москва 1985, с. 279–280.

²⁹ „Городские новости” № 127, 24.08.2010, с. 1.

шений. С другой стороны, понятно, что итоги социологических опросов (ранее осуществлялись и референдумы) во многих случаях (из-за той же якобы гражданской незрелости населения), будучи учтены властями, оказались бы неодолимым барьером, препятствующим претворению в жизнь реформ, которые, как неоднократно декларировалось, направлены именно на благо электората, не желающего (может быть, и не способного) видеть светлые перспективы своего бытия – скажем, в 2020 году. Кроме того, существуют прецеденты референдумов, результаты которых мудро не принимались властью во внимание (например, в 1991 г. – по поводу будущности Советского Союза). Впрочем, известное фольклорное речение, бесспорно справедливое по своей сути – „сверху виднее” (вариант „начальству виднее”) может быть дешифровано и так: „Твое начальство глубоко (глубже, чем кто бы то ни было) постигает законы мира, человека и общества и строит твою жизнь в полном соответствии с ними. Оно делает максимально лучшее для тебя. Оно живет и тяжело трудится во имя тебя. И жизнь твоя прекрасна”³⁰. Ранее было замечено: „Но как узнать мнение начальства? Нам скажут: оно видно из принимаемых мер. Это правда... Гм! нет! Это неправда!... Правительство нередко таит свои цели из-за высших государственных соображений, недоступных пониманию большинства... Где подданному уразуметь все эти причины, поводы, соображения... Никогда не понять ему их, если само правительство не даёт ему благодетельных указаний. В этом мы убеждаемся ежедневно, ежечасно, скажу: ежеминутно”³¹.

Однако же чуть ли не ежедневно (по крайней мере, если даже судить об этом по сообщениям СМИ) обыватели убеждаются в том, что российская *полиция* в лице её, увы, достаточно многочисленных представителей склонна к совершению разнообразнейших правонарушений ничуть не менее, чем российская *милиция*. А потому, по данным недавнего социологического опроса, проведённого Левада-центром, в июне 2012 г. 73% российских граждан считало, что *полиция* не заслуживает доверия (кстати, и по сию пору в бытовом общении

³⁰ А. А. Зиновьев, *Зияющие высоты*, кн. 1, Москва 1990, с. 205.

³¹ К. Прутков, *Проект: о введении единомыслия в России*, в: *idem, Сочинения*, Москва 1976, с. 138–139.

многие речедееатели именуют её по-прежнему – *милицией* – видимо, не только в силу определённой инерции мышления, но и из-за отсутствия сколько-нибудь зримых различий между *милицией* и *полицией*).

Любопытно отметить и то, что, судя по всему, декларированная реформа МВД России (как и прочие подобные *инновации*) далека от своего завершения. Так, новый министр МВД Владимир Колокольцев учредил – в дополнение к имеющимся структурам – ещё и „расширенную рабочую группу по дальнейшему реформированию органов внутренних дел», которая уже успешно заседает”³². Можно предполагать, что и эту реформу постигнет судьба ранее провозглашенных – и столь же перманентных: ведь совершенно невозможно установить, каковы успехи того или иного нововведения власти, если реформа окончательно не завершена. Следовательно, за финальный (обещанный) результат никто (и в первую очередь – высшие руководители) не несёт никакой ответственности.

Поэтому вербально-магические операции властей несомненно будут продолжаться с неменьшим размахом, а значит, лингвистические исследования в этом направлении сохранят свою актуальность.

Что же касается основной массы носителей русского языка, то им, во избежание стать жертвами словесных манипуляций, следует чаще вспоминать пословицу: „Не смотри на кличку, смотри на птичку”³³. Кроме того, по справедливому суждению Михаила Бахтина, „слово нельзя отдать одному говорящему. У автора (говорящего) свои неотъемлемые права на слово, но свои права есть и у слушателя...”³⁴.

³² В. Куликов, *Фалалеев М. Полиция уйдёт от палки*, „Российская газета-неделя” № 146, 28.06.2012, с. 8.

³³ В.И. Даль, *Пословицы русского народа*, т. II, Москва 1984, с. 168.

³⁴ М.М. Бахтин, *Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках*, в: *idem, Эстетика словесного творчества*, Москва 1986, с. 317.